

Р. РУДИН

**СТРАННОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ
В ОБЛАСТИ
СЕРДЦА**

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Р. В. Рудин
Странное происшествие
в области сердца.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22170003
ISBN 9785448350658

Аннотация

Повествовательные нити десяти рассказов пронизывают эпохи и соединяют континенты, сплетаясь в разноцветную ткань событий, которые приведут к странному происшествию в области сердца.

Содержание

Предупреждение об авторских и смежных правах	5
Лотреамон	7
Песни Мальдорора	10
Дворец императора	14
Неуязвимый	18
Турецкий миттельшпиль	22
Ветер в Риме	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Странное происшествие
в области сердца
Сборник рассказов
Р. В. Рудин**

© Р. В. Рудин, 2016

ISBN 978-5-4483-5065-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение об авторских и смежных правах

© Р.В.Рудин, 2014

Все персонажи и события, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живущими или умершими, является случайным совпадением, за исключением тех случаев, когда данные лица являются общественным достоянием или находятся в процессе необратимой медийной или культурной мифологизации, или этот процесс завершен, и медийные или культурные образы, ставшие неотделимыми от этих лиц, превалируют в общественном сознании над тем, кем эти люди являются на самом деле.

Все права зарезервированы. Никакая часть данной публикации не может быть передана посредством каких бы то ни было средств связи, воспроизведена, или сохранена с целью дальнейшего воспроизведения ни в каком виде и ни в одном из типов хранилищ без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением коротких фрагментов, используемых для цитирования. Никакая часть данной публикации не может быть подвергнута тиражированию

ни в каком виде переплета и ни под какой другой обложкой, кроме тех, что использованы для настоящего издания.

Лотреамон

В самом начале века, когда еще не был запрещен интернет, мне в руки попала любопытная работа неизвестного изобретателя, который утверждал, что сконструировал устройство, позволяющее перемещать небольшие однородные предметы на неограниченное расстояние, используя существующие линии связи.

В своей статье автор подробно описывал принцип действия этого устройства, приводил чертежи и сообщал, что первые испытания прошли успешно: ему удалось переместить серебряный слиток весом в десять граммов из своей лаборатории во Франции в такую же лабораторию, находящуюся в Аргентине. Атомы серебра превращались в преобразователе в потоки свободных электронов, протонов и нейтронов и передавались по проводам в такой же прибор на другом конце света, где вновь преобразовывались в атомы.

Системы уравнений, описывающие процесс, занимали несколько миллиардов страниц, и я не представлял, какой гений мог успеть исписать столько бумаги.

Когда через несколько лет к пружине научно-технического прогресса добавилось еще несколько витков и стало возможным перемещать таким образом изготовленные из разных материалов товары, интернет-торговля достигла своего

апогея, а уровень благосостояния стал измеряться размерами личного преобразователя.

Процесс перемещения предметов, ранее занимавший годы (Лотреамону потребовалось десять лет, чтобы переправить свой серебряный слиток в Аргентину), стал длиться часы, а потом и секунды с изобретением новых передающих технологий.

После того, как Лотреамон стал самым богатым человеком в мире, он стал вершить его судьбы.

Преобразование предопределило появление нового феномена – составления. Исчезла необходимость перемещать элементарные частицы на расстояние, поскольку был открыт способ составления любого предмета из элементов, имеющихся повсюду. Так груды металлов, полимеров и прочих материалов превращались за считанные секунды в автомобили, микроволновые печи и холодильники.

Всемогущий Лотреамон объявил о начале постинформационной эры в существовании общества.

Вырабатываемая человечеством энергия, используемая для работы составителей в глобальном масштабе стала приближаться к объему затрат на освещение, отопление, движение всех видов транспорта, поддержание жизнедеятельности и производство всех видов товаров, включая составители.

Еще несколько лет потребовалось, чтобы эти процессы стали анахронизмом и вся энергия стала использоваться для составления.

Закон сохранения материи получил добавление в виде Теоремы Лотреамона, согласно которой материя существует в виде информации.

После того, как я впервые прочитал статью Лотреамона, прошло десять лет, и великий изобретатель объявил о первом удачном преобразовании живого объекта. Подопытной крысой стал сам Лотреамон, впервые за все эти годы явившийся широкой публике на одной из арен Буэнос-Айреса, стоя спиной к восторженным зрителям и не показывая им своего лица.

Еще спустя некоторое время вся вселенная была представлена в виде математических уравнений и подготовлена к преобразованию или составлению.

Лотреамон объявил, что стал Богом. Каждое мгновение он создавал новые вселенные на месте старых, где мироздание изменялось, подчиняясь одному ему известным законам. По-прежнему никто не видел его лица и вскоре все перестали произносить его имя. Теорема, добавленная к закону сохранения материи, стала называться просто его второй частью. Совсем недавно великий изобретатель запретил интернет, и теперь можно только догадываться, чем он сейчас занимается. Скоро все забудут о реальном положении вещей, и самое великое изобретение нашего века станет еще одной легендой.

Песни Мальдорора

Прогуливаясь по набережной, я был застигнут внезапным дождем и спрятался в магазине сувениров. Благодушный хозяин напоил меня горячим кофе и предложил выбрать что-нибудь себе на память. Меня привлекла книга, на которой золотом было выдавлено название – «Песни Мальдорора», – и картина, изображавшая бесконечную шахматную доску. Я понял, что где-то на витрине должны быть и шахматы.

Дождь зарядил надолго, и хозяин предложил мне сыграть партию. Он сказал, что у него нет белых фигур – незадолго до моего прихода он продал их кому-то вместе с доской – но у него осталась висящая на стене картина, и мы могли бы разыграть партию в уме, объявляя свои ходы вслух.

Надо отметить, что до того момента, как я был застигнут дождем, я как раз размышлял над моей партией с Сарагосой. Мы отложили ее еще на один день, на доске по-прежнему оставалось много фигур, и после такого предложения мне стало немного скучно. Всегда и везде каждый считал своим долгом сыграть со мной в шахматы. Наверняка, хозяин узнал меня по фотографиям из газет и горел желанием поделиться затем впечатлениями и бахвальством со своими приятелями.

Я согласился с условием, что мы разыграем Староиндийскую защиту, а не Испанскую, как в моей отложенной партии

с Сарагосой.

Существовали разные версии того, почему именно Мальдорор был выбран местом проведения матча. Может быть, это было сделано умышленно, потому что чемпионом был я и помочь Сарагосе могли только стены, но скорее всего причиной стало известное всем пристрастие Маркеса, Почетного председателя шахматной федерации, к звучным названиям и странным поступкам, словно собственной славы ему было мало. Говорили, что в его родовом поместье близ Кали в Колумбии есть зоопарк, а из Индии он привез себе слепого белого слоненка, которого назвал Борхес.

Мы начали играть, и хозяин надолго задумался, уставившись взглядом в картину на стене.

Мне этот город сразу показался необычным, но я все никак не мог понять, что в нем было странным, хотя провел в нем уже три дня. Сначала я подумал, что дело в многочисленных неправдоподобных слухах, ходивших про Мальдорор. Например, говорили, что у его жителей существуют различные нелепые предубеждения, вроде табу на имена, начинающиеся с гласных звуков. Первым делом, приехав сюда, я полистал телефонный справочник и не нашел этому подтверждения.

Другой нелепицей были заявления газетчиков о том, что жители этого города всегда ели в одиночестве, потому что употребление пищи считали неприличным. Однако в отеле, где я остановился, был ресторан и там готовили довольно

вкусно, хотя повар мог быть приезжим, а спросить об этом у персонала отеля я почему-то не решался. Но вот сегодня хозяин лавки, сосредоточенно размышлявший над своим ходом, угостил меня кофе, и я забыл о своем абсурдном подзрении.

Он объявил шах моему королю, и я улыбнулся его смелости, принимая жертву. Однако через несколько ходов я понял, что недооценил противника и тем самым поступил опрометчиво. Еще какое-то время я сомневался в своей догадке и надеялся, что он не видит моего отдаленного проигрыша, но это оказалось не так.

Когда все было кончено и я отвел свой взгляд от бескрайней доски, я спросил, как его зовут. Он ответил, что в Мальдоре не принято называть свое имя, но мне он скажет, потому что, во-первых, ему было известно, как зовут меня, и, во-вторых, его имя всегда знал Сарагоса, который был здесь за несколько минут до моего прихода.

Я понял, что Сарагоса тоже потерпел поражение от хозяина лавки сувениров, потому что у него была забавная привычка забирать с собой и сжигать шахматы, которыми он проигрывал.

Сейчас он, наверное, по обыкновению задумчиво смотрит на догорающие обломки коней и слонов, а я, наконец, начинаю понимать, что слишком долго гляжу на эту картину. Дождь уже давно закончился, хозяин в комнате, скрытый от моих глаз, гремит посудой и, судя по всему, за чем-то хо-

чет остаться один. Поэтому я не приму его предложения сыграть, а куплю у него книгу со звучным названием на память о Мальдороре, где наверняка оставлю свой чемпионский титул, потому что больше никогда не буду играть в шахматы, хотя бы и в отличие от бедняги Сарагосы, у которого теперь будет такая дорогая и такая бесполезная корона.

Дворец императора

Послушай, – сказал мне Вэй Шуань. – Я написал это сегодня:

Мне долго ночью снился сон —
Я был любим и был влюблен.
А белый тигр,
Устав от игр,
Катался долго на песке,
Усталый белый зверь-аскет.
Неслышно лапами ступая,
Он шел по грани сна и яви,
Не оставляя и следа,
Сверкая мордой изо льда.

Я так и не смог добиться от Вэй Шуаня, чтобы он перестал выдавать стихи придворных поэтов за свои собственные.

Время от времени кто-то из нас приглашался на аудиенцию к императору и читал свои произведения. По ряду причин я заключил, что нас, придворных поэтов, было несколько.

Дворец был огромен. Я жил в его восточной части и всякий раз, когда я пытался проникнуть на соседнюю территорию, путь мне преграждали стены или суровые стражники. Мне запрещалось иметь бумагу, покидать дворец, разво-

дить голубей и ненавидеть императора. Поэтому я позволял осам строить гнезда вокруг моих окон, все стены комнат, где я обитал, были исписаны рисунками, в которых я спрятал от императора мои настоящие сокровища, и каждую ночь я вырывался из дворца в своих снах.

Он знал, что, если будет возможность, я его убью, но только смеялся надо мной и читал строки из моего «Белого Тигра».

Конечно, были и другие узники. Им тоже запрещалось иметь бумагу; как и я, они тоже ненавидели Вэй Шуаня. Наверняка, они изобрели способ начертить или нарисовать свое сокровенное, и я не сомневаюсь, что император давно разгадал их тайнопись, потому что среди груд его собственных творений, обрушиваемых на меня каждую нашу встречу, порой попадались настоящие слитки золота, которые я складывал рядом со своими.

Каждую нашу встречу он придавал своему лицу особенное выражение – словно надевал маску – и даже сидящие рядом с ним придворные дамы, улыбающиеся и говорящие ему шутки на незнакомом мне языке, не могли заставить его эту маску снять.

Я представлял, как веселятся над моими четверостишиями Лу Минь, которая, как я слышал, выращивает у себя в саду декоративные растения, Кэй Дзи, мастер гончарного круга, и кто-то третий, кому я еще не дал имя. Может быть, существовали и другие, но по всей видимости они уже не на-

деялись выбраться из дворца, унеся с собой то, что утаили от императора.

Очевидно, так и возникла некогда иероглифическая письменность Японии и Китая, и всех деспотических империй Азии, откуда происходили неизвестные мне обитатели дворца. Наверняка и тогда существовал император, который подобно Вэй Шуаню стал причиной появления письменности для посвященных, где в одном знаке соединены осы и тигры, живущие в одном дворце и не замечающие друг друга.

Десятилетия прошли с тех пор, как я оказался среди их числа. Если бы я захотел, я мог бы бежать. Я знал способ с самого начала, и он знал, что я знаю. Но я предпочел остаться, потому что, когда впервые предоставился случай совершить побег из этой золотой клетки, я уже придумал свою письменность и надеялся, что возможность бежать мне еще обязательно предоставится.

Вот и теперь, благодаря отлучившемуся стражнику, я остался один перед открытой дверью, ведущей за высокую стену, окружавшую дворец.

«Побег, долгожданная свобода,» – вот о чем я думал все эти годы, слушая, как за окном гудят осы, и наблюдая, как они строят свои бумажные гнезда. Этой зимой я исписал всю бумагу, которую заботливые насекомые изготовили для меня, наелся их меда, а сейчас пойду дальше, вокруг дворца на север или на юг, разводить ос или разорять их гнезда, в зависимости от того, что сейчас делают Лу Минь, которая

из тростника научилась делать папирус, Кэй Дзи, догадавшийся писать на глине, и кто-то третий, кому я еще не дал имя, совершившие побег из императорского дворца гораздо раньше меня.

Неуязвимый

Меня зовут Густав Браун. Я – солдат. Моя жизнь начинается снова каждый раз, когда я слышу древний призыв: «К оружию!».

Я был в первом ряду фаланги Александра и уже тогда понял, что неуязвим. Я сеял смерть и топтал трупы врагов, мои товарищи падали мертвыми справа и слева от меня с улыбками на лицах, а Александр узнал цену своему величию только после того, как я покинул его войско.

Потом были легионы Цезаря, проклятые варвары и столетия мрачного забвения. Я забыл все имена, под которыми сражался все эти годы. Я был свидетелем того, как возникали великие империи, и как они исчезали в небытие. К черту скромность! Ведь я приводил всех этих кровожадных главарей на трон, но я же служил и причиной их последующего краха.

Лишь однажды я позволил короновать себя, но слишком быстро понял, что мой дар становится для меня тяжким бременем и, если я не вернусь в строй, как простой солдат, то должен буду завоевать весь мир, а это не входило в мои планы.

Я прожил столько жизней, что однажды мне стало казаться обычным вспоминать, как Александр четкими движениями руки с зажатым в ней мечом победоносно управлял

своей фалангой, которой удавалось противостоять одновременно натиску неприятеля с четырех сторон; или как Цезарь с вершины холма взирал на свои легионы, сокрушавшие непобедимую на равнине и такую беспомощную среди холмов Балканских предгорий греческую фалангу.

При этом мне с такой легкостью удавалось смотреть на происходящее вокруг глазами самих полководцев, что я стал всерьез верить в неуязвимость одного из своих воинов, который всегда находился в самом центре боя и неизменно выходил из него целым и невредимым.

Конечно, я отдавал себе отчет в том, что попросту не мог быть одновременно Цезарем и солдатом, приводившим его в мистический трепет, но ничего не мог с этим поделать. Меня даже заподозрили в сумасшествии и ереси, но поскольку я не отдавал предпочтения ни одному из тех, кому я приписывал свои воспоминания, мои обвинители так и не смогли затащить меня на костер.

Так продолжалось довольно долго. Я все больше узнавал об окружавшем меня мире и о людях, с которыми мне приходилось жить рядом. История с течением времени все меньше походила на мои воспоминания о ней.

Постепенно я снова стал Густавом Брауном, а Греция и Рим остались в далеком прошлом, где мне не оказалось места.

Каждую ночь реки несли свои воды к морю, все те же звезды взирали на меня с небес, а я лежал на земле, укрывшись

щитом, зажав в руке свой меч, размышляя в который раз о своей судьбе.

Сколько глупцов предлагало мне все свои богатства в обмен на мой меч, считая его священным. С безумным огнем в глазах они уговаривали меня продать его, а когда я отказывал, требовали отдать им мое боевое оружие, считая его объяснением моей неуязвимости.

Видит Бог, я все делал, чтобы доказать им бессмысленность их надежд. Однажды я просто выбросил свой меч за борт, когда мы плыли с Колумбом в Индию.

Но несмотря на это, мои надежды умереть в сражениях за новые земли были тщетны. Копья, стрелы и пули пролетали мимо меня, безоружного; ножи и сабли по-прежнему не могли причинить мне вреда.

Наивные туземцы стали страшиться одного моего вида и при моем появлении падали ниц или в ужасе разбегались. Так сопротивление самых непокорных было сломлено, а я, оставшись не у дел, стал изучать неведомые европейцам растения и их необычные свойства. Это занятие настолько захватило меня, что с тех пор я не брал в руки оружие, хотя всякий раз, когда раздавался древний призыв, моя кровь, цвета которой я до сих пор не знаю, била горячей струей мне в голову, потому что я – солдат, был им и остаюсь, несмотря на то, что обрек себя на такое долгое бездействие.

Чтобы мне было с чем сравнивать в будущем досужие вымыслы историков о прошлом – моем настоящем, – я стал

описывать то, что происходит вокруг.

К этому времени я уже вернулся в Европу, поселился в небольшом городке у моря и несколькими поколениям владельцев книжной лавки обеспечил безбедное существование, изредка напоминая им о данном мне обещании хранить мою тайну.

Недавно я понял, что моя тайна стоит дороже цены, которую я за нее платил, и мне пора уезжать из города, который, должно быть, через сто лет останется лишь в моем воображении.

Сегодня я снова увидел свой меч. Его положил передо мной человек, не похожий на археолога или праздного туриста, которыми заполнены улицы города, где я коротаю свои дни.

Он сидит напротив меня в кресле, и в его глазах то и дело вспыхивает этот знакомый мне огонь, погубивший всех, кто однажды вознамерился завоевать мир, мой мир.

Я читаю свое имя на непотускневшем клинке и рядом с ним древний призыв, заставляющий вскипать мою кровь. Еще мгновение, и я убью этого самонадеянного незнакомца, если только он не окажется самим дьяволом, явившимся, наконец, предложить мне что-нибудь новое в обмен на так надоевшую мне вечность.

Турецкий миттельшпиль

Когда Средиземноморская Ривьера переместилась восточнее – на южное побережье Турции, – я полюбил бывать там весной, приезжая туда с семьей и каждый раз проводя все больше времени вдали от родных мест. Обычно требовалось чуть больше двух недель, не наполненных ничем, кроме спорта, чтобы со мной произошло событие, достойное упоминания. В этот раз все случилось раньше – на следующий день по приезде я встретил известного писателя, который взял с меня слово не раскрывать его инкогнито.

Он сидел на скамейке и разглядывал море, когда к нему подошла моя дочь и стала на него смотреть, словно зная его прежде, чем я.

«Как тебя зовут?» – спросил он ее.

Она не могла сказать, я не помог ей с ответом. Тогда он назвал свое имя и собрался встать, чтобы уйти, но вот узнал меня, и мы стали разговаривать о море, о ветре, о приближающейся ночи.

Затем он поднялся, и я, взяв на руки Еву, пошел рядом с ним, благо, дорога была широка.

«Ну вот, мне направо, а вам еще идти и идти», – сказал он мне.

«Да», ответил я, и он пошел в сторону. Вот так встреча! а ведь никто не поверит. Я посмотрел ему вслед.

«А почему бы нам не проводить вас?»

«Да, пожалуй», – и мы свернули вслед за ним на более узкую тропу. – «Итак, я читал сборник ваших замечательных стихов».

Я не удивился – почему бы ему не знать моих стихов. Однако они были написаны так давно, что, иногда где-нибудь их слыша, я всерьез сомневался в собственном авторстве.

«Даже очень замечательных, но ведь это лишь прообразы ваших будущих романов?»

«Да, когда-нибудь я хотел бы написать такую прозу, в которой краски звучали бы той же музыкой, а слов было бы по количеству купленных билетов».

«Благодарю за учтивую цитату. Вы как – по-настоящему любите литературу?»

«Да, как любят то, что с каждым днем становится все призрачней».

«Полагаю, позапрошлый век вас занимает больше, чем век минувший».

«Вы правы, все русское было написано тогда».

«А как же поэзия „серебряного века“? Да и среди Нобелевских лауреатов ведь были гении малых форм».

«Признаюсь вам, я не люблю стихов. С тех пор, как издал свой сборник, других стихов не читаю. Что касается лауреатов, то по их списку можно изучать тенденции большой политики прошлых лет. Среди тех, кого осыпали динамитным золотом, разве были Толстой или Чехов?».

Дочь уснула под мерное покачивание моего шага, обняв меня за шею и уютно уложив голову мне на плечо. Тропинка все сужалась. Мой собеседник теперь шел впереди. Длинные иголки кедров мягко поглаживали мне волосы, пробираясь до кожи и выгоняя оттуда мурашек. Иногда иголки доставали до волос моей малютки, и Ева тогда хихикала сквозь сон от щекотки.

«Что ж, границы вы себе задали узкие, но стоит ли так строго брать под уздцы нашего брата? Поклонник полотняной прозы вряд ли обнаружит для себя даже после самого снисходительного отбора десять больших романов, написанных теми, кто был рожден в двадцатом веке. Все-таки наше ремесло редкое, а музы большей частью перекечевали в рок-н-ролл и синематограф».

«Десять? Приведите мне примеры, чтобы я мог их опровергнуть»

«Извольте, если раскрыть Андрея Белого...»

«Помилуйте! Сделать целый город героем нашего времени? Да еще и отправить его на войну?»

«Да, да, те раны все кровоточат... Не будем о войне, поговорим о стиле, о метафоричном, перескочим из второго в первый ряд. Как вам Булгаков? Или вам наскучила эпоха?»

Мы снова оказались на широкой мощеной камнем дороге и пошли бок о бок, освещенные полумесяцем на исходе второй четверти и Сириусом прямо под ним.

«Нет, нет, он-то как раз вне времени, однако мне иной раз

думается, что все переживания Бездомного, все события, последовавшие после встречи с незнакомцем на скамейке у воды...»

«Прямо, как у нас с вами», – хохотнул мой спутник.

Я взглянул на него, и его профиль не показался мне зловещим.

«Но мы-то с вами знакомы, хотя вы, действительно, иностранец... Так вот, я не склонен воспринимать всю историю иначе как оправданием стремления Мастера к аду».

«Да, да, сейчас это, кажется, называется модным словом „эскапизм“, а тогда привело к таким последствиям».

«Ну, кто еще?»

«Пожалуй, первый ряд исчерпан, хотя, если хотите, Бунин»

«Раньше был Ги Мопассан. И, право же, он не писал романов... Я понял, вы смеетесь, перебирая классиков на «б».

«Это было легко. Действительно, великий и могучий источник. What would you say of those who considered Russian not their only mother tongue?»

«Простите, языками не владею, предпочитаю все же тех, кто был переведен на мой родной».

«Сейчас открылась бездна».

«Да, да – звездам нет счета, и все-таки если следовать установленному критерию, то и здесь будет просторно».

«Теперь вы давайте примеры, чтобы я попробовал их опровергнуть».

«Хотя бы Кафка. Разве не проглотили вы историю землемера К. за одну ночь?»

«Думаю, этот состав мы пропустим полностью. Гляжу, вы очарованы эпохой».

«Совсем нет. Что вы скажете об антиподах»

«О ком?»

Я показал себе под ноги. Несколько секунд мой собеседник недоумевал.

«Ах, вы об этих! Ну да, конечно же все ходят там вниз головами. Кто из латиноамериканцев вам особенно мил? Наверное, Маркес? «Дождь лил четыре года, одиннадцать месяцев и два дня».

«Я не знаю, зачем в этом произведении ему понадобилось деление на части, страницы, абзацы, там вообще не нужны даже знаки препинания, одна безумная бесконечная спираль».

«Что ж, я не найду возражений, упомяни вы и Борхеса, и Кортасара. Однако, вы зашли с козырей. Что вы будете делать теперь, когда игра еще далека от завершения?»

«Вам очень сложно подражать (тут я обратился к нему по имени, которое обещал не раскрывать, а он учтиво наклонил голову, еще не зная, что так я лишь смягчил свой следующий ход). Это в особенности касается миттельшпиля. Но я думал, что мы еще до него не добрались, поэтому выдвинул лишь коней и офицеров».

«Вот как. На очереди ладьи и ферзь? Я превращаюсь

в уши – не смейтесь, это англицизм».

«Да, один из них и пишет по-английски – это Рушди».

«Satanic Verses». Слышал, не читал».

«Скорее „Дети полуночи“ – поэзия в прозе. Сочные душистые стихи, всякой странице своя неповторимая приправа, каждая глава убеждает в каком-нибудь новом чуде, а сама книга предстает квинтэссенцией Индии».

«Да, да, после прочтения всякая охота ехать туда пропадает. Кто еще?»

«Орхан Памук».

«Конечно, мы ведь в Турции. Но как быть с Нобелевским комитетом?»

«Я сделал исключение».

«Любопытная коллекция. Кто же ваш ферзь?»

«В последнее время у меня все больше ночует Мураками»

«Как я отстал от жизни. Великий литератор – и тот японец. Ну вот мы и пришли. Дальше вам нельзя».

Я огляделся. Мы стояли невдалеке от мощной башни с зубцами по верху, между которыми, мне показалось, вполне могли скрываться лучники со стрелами, положенными на тугую тетиву. Башня похожа была на одну из тех ладей, которыми, как я думал, мне удалось поставить гроссмейстеру мат. В нее через ров с водой вел мост, который наверняка должен был подняться сразу же после того, как мой собеседник в нее войдет.

Ева мирно посапывала на моем плече, писатель показал

на нее.

«Как жаль, что никто не подслушал замечательной беседы, которую мне так хотелось бы с вами вести».

«Ничего, не пропадет. Я даже рад, что так получилось. Кому какое дело, что мы с вами никогда не были знакомы, что ни при каких обстоятельствах вы не могли бы меня узнать, а если мы и встретились сегодня, то расстались на первом же повороте и я веду сам с собой вымышленный диалог по одному из моих самоучителей вдохновения».

Ветер в Риме

*Ветер рождается из ничего и исчезает
никуда, оставляя после себя истории.*

Тацит

Ветер исчезает в Риме одновременно с тем, как из своего последнего морского похода возвращается Целестион. Последним его поход становится потому, что ветер не появляется ни на следующий день после возвращения Целестиона, ни через месяц, а лучший из моих полководцев предпочитает вскоре исчезнуть вслед за ветром, пожаловавшись мне накануне, что полное отсутствие волн на море сводит его с ума.

Приблизительно к тому же времени относится появление в моем городе слухов о том, что где-то на его окраине безумная с виду старуха ходит по улицам и предсказывает недоброе каждому встречному, а все предсказанное неминуемо сбывается, что я лично ставлю под сомнение и отношу на счет все того же отсутствия в городе самого слабого ветерка, поскольку если даже и есть старуха, то подтвердить ее прорицания никто не может, ведь с тех пор как воздух в городе накалился до предела, прошло совсем немного времени. Впрочем, опровергнуть слухи невозможно по той же причине.

В скором будущем можно ожидать бунта, потому что не только над моим дворцом обвисли флаги, а внутри него стали бесполезными опахала, – на улицах перестали развеваться туники и волосы римских красавиц, а с неба каждый день сыпятся птицы, утратившие под крылом опору, – не самое лучшее предзнаменование даже в отсутствие слухов о безумных старухах.

Ровная, без изъяна, водная гладь залива, где замер без движения весь парусный флот Рима, сливается без остатка с бездонным небом, и дважды в день кажется, что корабли висят в воздухе вместо птиц – на рассвете, незадолго до восхода солнца, и на закате, сразу после того как раскаленный шар исчезает из виду.

В утренние минуты этого восхитительного волшебства на берегу залива собираются все без исключения римские поэты, а те из них, кому удастся утром ухватить за сандалию свою непоседливую музу, приходят на берег и вечером, чтобы под одобрительные возгласы горожан рассказывать все, что, по их мнению, может развлечь усталых от отсутствия ветра римлян.

Я тоже завожу себе привычку проводить вечера на берегу моря, внимая поэтам, любуясь повисшими в воздухе триерами, и однажды слышу, как один из них громко рассказывает о безымянном вельможе, который проводит дни и ночи в окружении гетер, совершенно пренебрегая их ласками, но заставляя их все время дуть в его сторону, создавая подо-

бие ветра, при этом не скупясь и оплачивая исправно нелегкий труд их легких и щек.

Я сразу же догадываюсь, кто в моем городе готов пустить на ветер целое состояние, и посылаю проследить, в какой из частей Рима обитает незадачливый рифмоплет, даже не подозревающий, что с ним может сделать тот, чье инкогнито он так опрометчиво раскрыл.

Вернувшиеся соглядатаи доносят, что Целестион обосновался в одном из публичных домов на восточной окраине, что кроме него женщины никого не охлаждают там своим дыханием, а честолюбивый баснописец, раскрывший, сам того не ведая, местоположение моего генерала, попросту один из тех, кто с его появлением получил в этом доме от ворот поворот.

Мне нужен Целестион. Главной силой Рима всегда был флот, и теперь, когда дважды в день этот флот парит между небом и морем, Рим теряет свою силу. Об этом скоро могут узнать враги, но больше всего меня беспокоит то, что жители вечного города уже начали забывать, что такое ветер, и мне остается либо позволить им забыть, что он когда-то существовал, либо сделать все, чтобы вернуть ветер в Рим. Я решаю поговорить с Целестионом сам и для этого весь следующий день пробираюсь на восточную окраину Рима, стараясь оставаться неузнанным.

– Я помогу тебе, мой повелитель, – радуется Целестион моему приходу. – Тем более у меня скоро закончатся деньги,

а мои подруги, похоже, разучились дуть – сегодня они даже не пытались вытягивать губы, догадываются, наверное, что их клиент скоро сядет на мель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.